

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

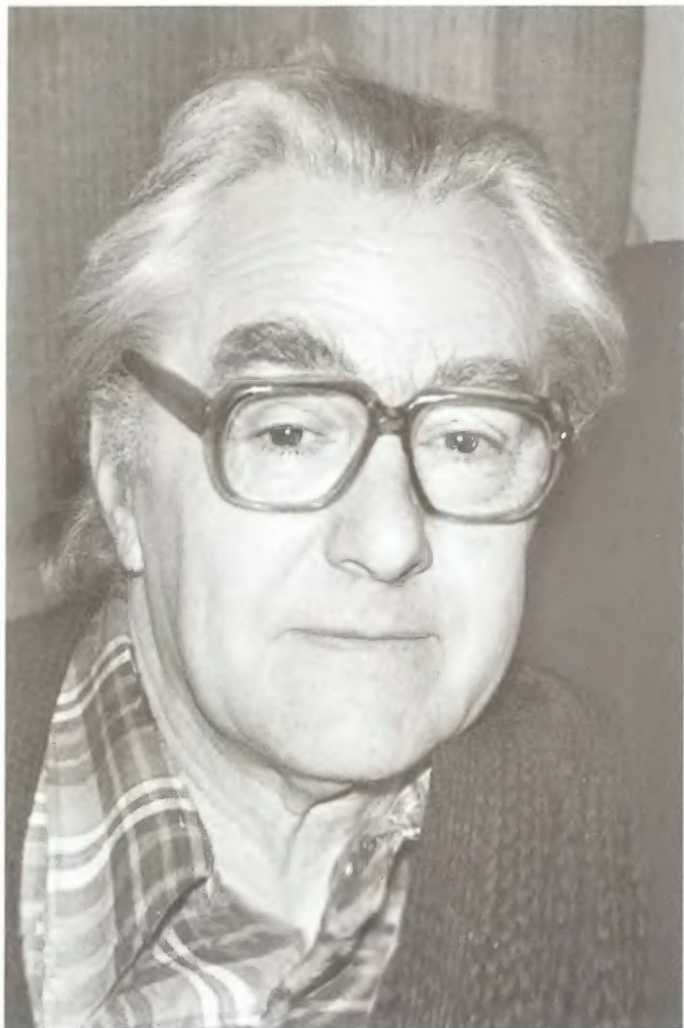
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Феодализм
перед судом историков*

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-I-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

"THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY": LANGUAGE NORM SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-CULTURAL CONTEXT	221
--	-----

K.L. Bannikov

<i>QUIA ABSURDUM</i> : THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS	261
---	-----

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR <i>DEDOVSCHINA</i> . A BRIEF REMARK	279
---	-----

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM AND BYZANTINE HESYCHASM.....	285
---	-----

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE CRUSADES	319
--	-----

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD	351
--	-----

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (<i>translated by G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev, notes by G.V. Bondarenko</i>)	363
---	-----

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. "THE STORY OF EGMUND THE BEATEN AND GUNNAR HALF-AND-HALF" (<i>translation and notes by Ye.A. Gurevich</i>)	390
--	-----

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?....	420
---	-----

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ*

Сториз прошлого, особенно своего собственного прошлого, создаваемый правящей группой внутри любого общества, является важнейшим элементом фундамента ее легитимности. Четкость и подробность этого образа в значительной мере зависят от уровня развития общества – хотя здесь вряд ли можно говорить о прямой зависимости, поскольку эволюция исторической науки не сводится к накоплению знаний. Когда правящий класс утрачивает контроль над будущим, он впадает в иррационализм; историческая мысль затормаживается, а порой подвергается регрессии, менее заметной, но гораздо более опасной, чем простые перерывы, вызванные социальными потрясениями. И наоборот – когда правящая группа находится на пике активности и будущее рисуется ей ясно, историческая рефлексия развивается под знаком разум и прогресса, являющихся основой любого подлинно научного знания¹.

Стремясь уйти как от наивного и упрощающего эволюционизма, так и от релятивистского историзма, который отвергает всякую научную ценность концепций, прикрываясь понятием *Zeitgebundenheit*, объявленным абсолютным и окончательным (что само по себе противоречиво), определим с самого начала наш главный тезис: если социальный контекст действительно играет важную роль в мыслительном процессе, на котором основывается научное знание любого общества, то эта роль меняется вместе с идеологической конъюнктурой. В одних случаях создаются условия, тормозящие или искажающие интеллектуальную деятельность, в других – наоборот, они благоприятствуют развитию гуманитарных наук и даже способствуют их значительному подъему. Эта связь определяет не все: область исторической мысли имеет и собственные полюса напряжения. Она весьма во многом подобна социальной и социо-идеологической сфере,

¹ *Annales* A. Fief, féodalité, féodalisme. Enjeux sociaux et réflexion historique // *Annales*. ESC. P., 1990. T. 45, N 1. P. 137–166. (Печатается с разрешения автора). Статья является переработанной версией текста, по поводу которого многие коллеги любезно высказали свои замечания; я выражаю особую благодарность К. Астарита, Р. Десимону, Ж. Гийаму, Ж. Ле Гоффу, Ж.-К. Шмитту, Б. Тенферу, А. Вирту. Некоторая неровность статьи обусловлена тем, что она является продолжением мыслей, изложенных в книге «Феодализм, теоретический горизонт» (*Le féodalisme, un horizon théorique*. P., 1980), и я не стал возвращаться к уже дошедшим положениям.

и, будучи ее частью, сохраняет некоторую автономию организации; поэтому внешняя обусловленность исторической мысли сочетается с постоянной эволюцией ее собственной структуры.

Как заметил Пьер Вилар, “простые вещи не всегда неправильны”² – по аналогии с этим можно сказать, что не все научные достижения могут быть сформулированы на “языке благовоспитанных людей”, этом идеале, выросшем из риторики иезуитов и атмосферы литературных салонов XVIII в. И если сегодняшний ма-разм исторической мысли вынуждает нас обратиться к кропотливой работе над концепциями, операции, необходимой для восстановления динамики науки, то прежде всего нужно указать на две крайности, в которые нам свойственно впадать: это излишняя схематизация (когда вычленение концепции ведет к обеднению эмпирического изложения) и избыточная тяжесть и сложность языка (когда привычка манипулировать общепринятыми понятиями оборачивается невозможностью обходиться без них).

Такого рода критика, относящаяся, казалось бы, к форме изложения (точнее – к его канонической модели), на самом деле указывает на более глубокую проблему, которая касается процесса синтеза. Многие историки думают, что развитие их дисциплины происходит за счет простого накопления отдельных работ. Мы все еще живем по принципам XIX в., согласно которым “метод” является хорошо выстроенной последовательностью трех действий: опыта, критики, изложения. Доказательство тому – целый ряд монографий, где “синтез” предстает не чем иным, как изложением, построенным в соответствии с правилами академической риторики. Лишь немногие историки знакомы с дисциплинами (которые появились больше века назад), уделяющими пристальное внимание структурно организованному концептуальному инструментарию. Эти социальные науки укрепляют свои позиции по всем направлениям; историческая практика рискует стать анахронизмом. Историки должны осознать, что им нужно стремиться к уравниванию двух понятий – динамики и структуры – и всякий раз показывать, что анализ функционирования общества является единственным способом объяснить его эволюцию.

Взявшись всерьез за разработку концептуальной базы, историк получит шанс воспользоваться преимуществом истории перед другими социальными науками: он сможет рассматривать общественную структуру как стабильно изменчивый объект, не страшась заранее самой идеи генезиса.

Одним из возможных путей критики и реконструкции концепции, необходимых для возвращения ей научной эффективности, является ее структурно-генетический анализ. Размышления о феодальной системе представляют в этом отношении идеальный случай: по

меньшей мере с XVIII в. разногласия в трактовке этой темы, где и когда бы она ни появилась, предстают в форме резкого антагонизма; почти всегда он обусловлен социальной мотивацией. Это дает нам редкую возможность проследить взаимосвязь между идеологической конъюнктурой, социальным заказом и развитием науки³.

ДВА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ “РАЗРЫВА” ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Феодальная система стала постоянным объектом рефлексии в XVIII в., в эпоху решающей битвы буржуазии за власть⁴. Все попытки обнаружить это понятие в более раннее время приводят лишь к констатации редких и разрозненных высказываний, не являющихся глобальной характеристикой европейского общества, как это, напротив, имело место в XVIII столетии⁵. До тех пор главной категорией осмысления прошлого были эпохи (*tempora*)⁶; каждая эпоха характеризовалась рядом особенностей: географических, лингвистических и, в первую очередь, религиозных. Определение эпохи в соответствии с ее социальной организацией появляется только в XVIII в., и первый автор, которого здесь можно упомянуть – Дж. Вико (однако интерпретация его труда тоже остается спорной)⁷.

В XIX в., напротив, уже с первых лет вырисовываются основные пути размышлений о “феодальной системе” и их главные трудности, которые по сей день сохраняют свою актуальность. Предыстория споров о фьефе восходит к XVI в. во Франции и к XVII в. в Англии. Напряженность и политико-религиозные конфликты во Франции в XVI в. нередко выливались в дискуссии о том, где искать истоки французской правовой системы – в римском или в обычном (кутюрном) праве? В ходе споров родилось множество аргументов, оправдывавших природу королевской власти, в частности, у Жана Бодена появилось понятие “суверенитет”⁸, ведущее к правовому обоснованию абсолютной монархии. Также и в Великобритании – шотландец Крэйг, потом англичане Спельман и Коук в спорах о феодальной (псевдо)-пирамиде и древности парламента выдвигали неоднозначные аргументы из мифологического прошлого, делая это с подачи правящей власти⁹.

Как показал Л. Кухенбух, именно в XVIII в. сложились три главные мыслительные парадигмы, определявшие с тех пор структуру всех размышлений о феодальной системе¹⁰.

В рамках первой из них, наиболее сильной, противопоставлены трактовки феодализма как частной политико-юридической и глобальной социально-экономической системы. Для первой позиции показательна фигура графа де Буленвилье (1658–1722), сделавшего

объектом своего внимания “феодалное правление”¹¹. Принадлежа к аристократической оппозиции абсолютной монархии, он пытался доказать двойное тождество: свободные = франки = аристократы. Из этого следовало, что единственной законной и либеральной формой правления является та, при которой вся власть сосредоточена в руках аристократов. Адам Смит (1723–1790), напротив, стремился доказать, что “феодалная анархия”, создававшая массу препятствий свободе торговли, искажала и тормозила “естественный ход вещей”, ведущий к накоплению богатств и прогрессу¹².

Вторая представлена оппозицией приверженцев уникальности и инвариантности европейского феодализма и решительных компаративистов, говоривших о повсеместности и полиморфизме этой структуры. Двумя столпами здесь являются Монтескье и Вольтер. В трактате “Дух законов” (1748) Монтескье стремился выработать абстрактную типологию для решения вопроса о “наилучшем правлении”; для него “феодалные законы” были единичным историческим явлением¹³. Ему возражал Вольтер. “Мэтр рациональной истории, основатель современного исторического знания”¹⁴ заявлял в ответ: “Феодалная система – вовсе не уникальное явление. Это очень древняя форма, которая под разными видами правления известна на трех четвертях нашего полушария”¹⁵. В “Опыте о нравах” (1756) он писал: “Мы долго искали истоки феодального правления. Нужно признать, что у него нет других истоков, кроме древнего обычая, присущего всем народам: навязывать слабейшему обязанность платить дань и подчиняться”¹⁶.

Наконец, третья парадигма задана противостоянием, которое прочитывается более четко, поскольку носит в высшей степени субъективный характер: ненависть к феодализму и его воспевание, революционное отрицание и реставрация и реакция. Для этого противостояния символичны работы Сийеса и Бёрка 1789–1790 гг.¹⁷

Какой же была в XVIII в. действительная социальная подоплека этих оппозиций? Нельзя не признать глубину и оригинальность мысли авторов “Опыта о нравах и духе народов” и “Исследования о природе и причинах богатства народов”. Конечно, сегодня вряд ли применимы два их главных концепта – обскурантизм (“слепое суевение”) и анархия. Тем не менее Вольтер и Адам Смит заложили основы рационального исторического мышления в двух взаимодополняющих плоскостях: социо-культурной и социо-экономической (при том что ни один из них не был революционером). Заметим между прочим, что оба они уже в названиях своих трудов вводят понятие “народ”¹⁸. Нельзя не отметить и еще один любопытный факт. Адам Смит видит главный источник обогащения в развитии сельского хозяйства, основанного на собственности разумных размеров. Такой естественной эволюции (the natural course of things), по его мнению,

препятствует сохранение больших доменов, наследие былой анархии¹⁹; восстановить же “естественное развитие” можно только путем политических преобразований. В свою очередь, “Опыт о нравах”, несмотря на название, является скорее пространной политической хроникой. Главное зло на протяжении всей европейской истории Вольтеру видится в “римском скандале”, “бешенстве понтифика”²⁰. При этом “единственным источником человечности” названы города, а буржуа выступают главными носителями “разума”²¹. Если Адам Смит, вопреки расхожему мнению²², отдает предпочтение вопросам сельского хозяйства и государственного управления, то Вольтера больше привлекает развитие индустрии, связанное, по его мнению, с общим прогрессом мысли и искусства.

Прежде чем говорить о политических предпочтениях шести названных авторов, нужно вспомнить, что они принадлежали к двум разным социальным группам (учитывая разницу ситуаций во Франции и в Великобритании), и были привержены их интересам и стремлениям. По сути, это оппозиция трех аристократов и трех буржуа. С одной стороны мы видим мистификацию истории (Буленвилле), антиисторическую типологию (Монтескье), отказ от рационального мышления. С другой – изучение “развития вещей” и обогащения; “нравов, обычаев, торговли, богатства”²³; современной социальной и политической ситуации во Франции. Стремление упрочить существующее представление (и яростный протест против его пересмотра) противостоит исследованию ситуации и ее эволюции, со стремлением к рациональному взгляду на вещи и разумной оценке самого развития. Закладывание основ рациональной концепции истории оказывается тесно связанным с буржуазной идеологией XVIII в. (в разных ее вариантах) и с тогдашними потрясениями европейского общества. Без сомнения, это составляет главный фон, на котором возникают и оформляются три упомянутые парадигмы.

Они рождались в ходе напряженной борьбы и размежеваний, хотя в первое время без радикальных потрясений. И, кажется, до сих пор до конца не осознана концептуальная роль двух заявленных в них ключевых идей: свободы торговли и свободы совести.

Лозунг о свободе торговли создал репутацию физиократам. Для них она означала свободу обращения товаров, в первую очередь зерна. Но в целом это требование предполагало полную свободу доступа к “рынку”, не только продуктов, но также земли и людей. Об этом четко сказано у Адама Смита: сельскохозяйственные угодья должны стать предметом чисто коммерческих операций, контракты между собственниками и работниками должны базироваться только на экономических соображениях. По Адаму Смиту, это единственный путь их взаимного обогащения. Все, что мешало свободному распоряжению землей, все отношения, осно-

ванные на иной логике, нежели экономическая целесообразность, отныне объявлялись пережитками истории, воспротивившейся “естественному порядку вещей”.

Мы видим, как наметился первый концептуальный “разрыв”: отделяя экономические связи от всех остальных²⁴, Адам Смит расчленял целостность отношений, где экономические и неэкономические факторы были нераздельно слиты. По сути, его инновация лишь подводила теоретическую базу под практику, бытовавшую (главным образом на континенте) уже несколько десятилетий: противопоставление “реальных” и “личных” прав. Режин Робен, проведя лингвистический анализ²⁵, доказала, что это разделение было одной из главных задач французских юристов XVIII века. Они упорно стремились представить аристократические домены как простую “собственность”, выделяя при этом некоторые “личные права” – впрочем, немногочисленные²⁶. События лета 1789 г. завершили и узаконили эту эволюцию: отмена “феодалных прав” означала прежде всего превращение сеньоров в собственников. Последовавшие за этим трудности показывают, что проблему эксплуатации такое превращение никак не решало²⁷.

Только после этого появляется “узкая (так называемая техническая) концепция феодальности”. Смысл этого нововведения столь же прост, сколь и важен: оно вызвано необходимостью представить сложные отношения господства и подчинения (главной характеристикой которых было взаимопроникновение разных аспектов, условно определяемых как экономические, политические и религиозные²⁸) в виде чисто экономических связей, имеющих правовую основу. Объявив собственность “неприкосновенным и священным правом” всего через три недели после отмены “феодалных права”, Учредительное собрание как нельзя более ясно выразило стремление реструктурировать правящий класс Франции на почве унификации всех земельных собственников. В 1776 г. в Великобритании этот процесс уже шел полным ходом и потому не мог послужить идейным стимулом для Адама Смита. Естественно, что столь удобное положение позволило ему, в отличие от континентальных коллег, представить такую картину прошлого, которая самой своей глобальностью была гораздо ближе к истине.

Одной из ключевых характеристик философии Просвещения была ее антиклерикальная направленность – этому факту сегодня не уделяется должного внимания²⁹. В результате мы упускаем из виду одну из глубочайших трансформаций XVIII в.: речь идет о создании новой религии – ни больше, ни меньше. В этом отношении необходимо перечитать тексты Вольтера. “Обскурантизм” – одна из центральных его категорий, она присутствует даже там, где не упоминается сам термин: “Этот фанатизм, результат невежества и

предрассудков, болезнь, поразившая почти все века”³⁰. Рим и католическое духовенство были постоянными объектами его критики и иронических выпадов. Тем не менее Вольтер вовсе не был атеистом. Наверное, лучшая абстрактная формулировка этой новой концепции была дана Ж.-Ж. Руссо в труде “Об общественном договоре”. Руссо четко разводит “религию человека”, или “естественное божественное право”, которое определяется им как “внутренний культ высшего Бога”, и “религию гражданина”, “гражданское, или положительное божественное право”, которое составляют “догмы, ритуалы, внешний культ, предписанные законом”³¹. Триумфальное утверждение этого разделения в умах заслуживает того, чтобы быть названным вторым “концептуальным разрывом” XVIII в.³² Несколько лет спустя программа, заключенная в этой концепции, была юридически закреплена. Статья 10 “Декларации” от 26 августа 1789 г. гласит: “Никто не должен подвергаться преследованию за свои взгляды, даже религиозные, если их высказывание не мешает установленному законом общественному порядку”. В ноябре 1789 г. церковные блага передаются государству. В феврале 1790 г. Учредительное собрание отменило монашеские ордена, затем в июле того же года была принята гражданская Конституция духовенства. Таким образом была гарантирована свобода “естественного божественного права”, а “гражданское божественное право” кардинально пересмотрено в интересах государства. Продажа церковного имущества спровоцировала самое крупное в истории Франции перемещение собственности, осуществленное в предельно короткие сроки – всего за несколько лет.

Секуляризация церковного имущества, несомненно, была необходимым следствием провозглашения собственности “неприкосновенным и священным правом”: неотчуждаемые владения церкви стали главным препятствием для формирования буржуазной собственности, вещного права, отождествлявшего все движимые и недвижимые объекты с товарами. Иначе говоря, “свобода совести” находилась в прямой взаимосвязи со “свободой торговли”; у Вольтера и у буржуазии в целом имелись веские основания для того, чтобы считать обскурантизм “болезнью, поразившей почти все века”³³, иначе говоря, главной чертой устаревшего, но еще не исчезнувшего социального порядка, на смену которому они прочили новый строй.

Этот второй концептуальный разрыв сделал невозможным представление о церкви как о “тотальном институте”. Однако, если в случае первого разрыва разделение некогда целостного понятия потом не раз становилось объектом осмысления, особенно после крушения во Франции социального компромисса между буржуазией и аристократией, то во втором случае оно, имея жесткую привязку к факту секуляризации церковной собственности, не только не пере-

сматривалось, но, кажется, настойчиво вытеснялось из памяти всеми правящими социальными слоями. И те настолько в этом преуспели, что в дальнейшем исследователи средневековых обществ стали без тени сомнения употреблять понятие “религия”, порождавшее неизменное искажение смысла³⁴. Иначе говоря, та трансформация европейского общества XVIII в., которую принято называть “возвышением буржуазии”, имея в виду расширение сферы влияния “рынка” и устранение препятствий для его “свободного” функционирования, спровоцировала одновременно коренное переустройство отношений между доминирующими группами и изменение представлений об обществе, причем как самой структуры этих представлений (появление ведущей идеи прогресса), так и большинства отдельных понятий. В этом отношении ситуация по обе стороны Ла-Манша складывалась по-разному. В Великобритании размеры церковной собственности с XVI в. значительно сократились, англиканское духовенство не играло решающей роли в обществе. Кроме того, имелась тенденция к слиянию буржуазии и аристократии, что вело к стабильному социальному компромиссу. В таких условиях Адаму Смитту, имевшему возможность наблюдать остатки старой системы в маргинальной зоне (в Шотландии), удалось прийти к целостному и в то же время глубокому взгляду на вещи, представив сложные доминантные отношения в виде экономических связей.

Во Франции же буржуазии было отказано в месте, которого она искала, тогда как духовенство оставалось “высшим сословием” и, что еще важнее, крупнейшим земельным собственником королевства. Антиклерикальный настрой был неизбежной подоплекой любой социальной критики, тогда как отношение к аристократии оставалось скорее нейтральным, чему немало способствовала работа юристов по превращению сеньоров в собственников. Эта неопределенность вызывала заметное брожение умов; ее разрешила революция 1789 г., дав четкие ответы, которые оказали сильнейшее, если не решающее влияние на все последующие интерпретации “феодальной системы”. Здесь можно выделить три главных этапа. Провозглашение нового права собственности в 1789 г. произошло на основе компромисса буржуазии с аристократией. Секуляризация церковных ценностей была отнюдь не случайным совпадением, а необходимым дополнением к нему. Но внешние влияния и в еще большей мере собственная структура французского общества мешали осуществлению этого компромисса, и второй этап был отмечен радикализацией буржуазного правления. С августа 1792 г. вместо “феодального режима” (определение Мерлена де Дуэ) появилось понятие “феодальность” (*féodalité*), как глобальная характеристика того состояния общества, которое надлежало искоренить. Теперь речь шла не об отмене некоторых прав, а о тотальной трансформации социаль-

ного порядка. Вопрос о собственности, конечно, не пересматривался, но список того, что подлежало упразднению (на сей раз без какой бы то ни было компенсации) был существенно расширен. Так закрепился двойной смысл понятия “феодальность”. Стабильность была восстановлена стараниями первого консула. Интересно отметить, что два решающих акта появляются в обратной последовательности по сравнению с постановлениями 1789 г.: Конкордат, подписанный в 1801 г., и Гражданский кодекс, появившийся в марте 1804 г. Традиционно большую значимость придают Гражданскому кодексу, который считается юридической основой буржуазного общества. Однако его положения – не больше чем развертывание принципов, уже сформулированных в 1789 г. Конкордат же, завершая процесс, начатый принятием Декларации в августе 1789 г., оказывается фундаментальной прелюдией к Гражданскому кодексу. Церковь в лице своего главы, а затем и коллегии духовенства, признала законность и неизбежность решающего переворота (значимость которого во всех отношениях превосходит все предыдущие реформы): отныне духовенство было не сословием, а простым корпусом чиновников, чья деятельность осуществлялась в заданных рамках и оплачивалась государством. Церковь больше не располагала недвижимым имуществом и признавала де факто свободу совести. Тем самым второй концептуальный разрыв XVIII в. не только воплотился в реальных событиях; его законность была признана как французским обществом, так и папской властью, которая отныне навсегда отказывалась от возврата к старой системе³⁵.

Ни один из последующих социальных конфликтов не привел к пересмотру этого вопроса, и никто из историков, кажется, не ощутил того фатального отклонения, которое произошло в изучении средневековой эпохи с введением понятия “религия”, абсолютного несоотносимого с идеей и ролью средневековой церкви. Во всех учебниках истории Средневековья отдельная глава (в фундаментальных трудах отдельный том) была посвящена истории религии. И сколько же специалистов по социальной истории строили свои рассуждения о светском обществе, опираясь исключительно на церковные документы и не обращая внимания на искажения, неизбежные при таком подходе! Церковь стабильно воспринималась как особая сфера деятельности, если и не совсем изолированная, то, по меньшей мере, автономная и самодостаточная. Нигде не упоминалось об истинном значении католической церкви в рамках феодальной системы (которое бы логично вело к определению церкви как “тотального института”), и никому не приходило в голову, что здесь кроется одна из самых показательных характеристик этой системы. В отличие от этого первый концептуальный разрыв (глобальное господство и разделение его на отдельные “права”) в процессе эволюции

отношений буржуазии и аристократии “Старого порядка” был осмыслен настолько, что более чем на век его изучение стало главным фактором, стимулирующим исследования по средневековой Европе, особенно во Франции и в Германии³⁶.

ОТРЫВ МОТИВАЦИИ ОТ ОБЪЕКТА РЕФЛЕКСИИ С НАЧАЛА XIX ВЕКА

Вскоре после принятия Конкордата Шатобриан опубликовал свой труд “Гений христианства” (1802), в котором нередко видят знак возврата к прежней религиозности. Однако на деле следовало бы говорить об обратном: “христианство” по Шатобриану – то, что находится “в сердце”³⁷, не что иное как “религия человека” в понимании Руссо. По сути, Шатобриан стал первым (и наиболее талантливым) автором, выстроившим всю историю церкви в мельчайших деталях на фиктивной базе, в духе слащавого сентиментализма, который вполне отвечал настроениям эпохи, но рисовал абсолютно фантастическую картину Средневековья. Эти представления надолго стали главным препятствием для рационального и взвешенного подхода к феодальной системе³⁸.

Наиболее рациональную картину феодальной Европы для всей исторической мысли во Франции XIX в. создал в 20-е годы XIX в. Гизо. Прежде всего он задался вопросом о причинах несовпадения путей развития английского и французского обществ (в одном случае эволюционного, в другом революционного). Будучи монархистом, Гизо представлял взгляды буржуазной демократии, не имевшей ничего общего с аристократией “Старого порядка” и ее наследниками-легитимистами. Он не искал компромисса, и потому его стремление к объективному взгляду на феодальную систему представляется вполне логичным. Главными понятиями для него стали “цивилизация” и “классовая борьба”. Он разрушает миф о феодальной пирамиде, подчеркивает неразрывность личных и материальных связей между сеньором и крестьянином, говорит о союзе буржуазии и королевской власти³⁹. Огюстен Тьерри написал историю “третьего сословия”, тогда как Мишле склонялся к лиризму, порой демагогическому, имевшему мало общего с научным подходом.

Ханс Кризер в своем тонком и проницательном исследовании показал, что французские историки XIX в. были буквально одержимы вопросом собственности⁴⁰.

Шампюньер, Бенжамен Герард, Секретан и Риу де Невиль (1876) выдвигали различные соображения, дополнявшие и уточнявшие определение феодальной системы, где главной характеристикой выступали отношения глобального господства – его мы заста-

нем и у Фюстель де Куланжа в 80-е годы XIX в. Такой мыслитель, как Сен-Симон, вернулся к концепции Вольтера и Адама Смита; Огюст Конт даже пытался обобщить это понятие, представив его этапом развития любого общества.

Но всегда находились и такие историки, которые разными способами доказывали необходимость радикального отделения юридических и политических отношений от других, более материальных и соотносимых с правом собственности. В частности, целый ряд ученых, бывших учеников Школы Хартий (Анри Бордье, Эдгар Бутарик, Леопольд Делиль), пытались обосновать это разделение, произошедшее на деле довольно поздно, научной традицией. В совершенно ином ключе написана работа Алексиса де Токвиля. Она не имеет ничего общего с этой анахроничной реакцией.

Новаторство труда “Старый Порядок и Революция” (1856) состоит в том, что, игнорируя позиции “за” или “против” Революции, Токвиль стремился если и не оставить это событие вовсе незамеченным, то, по меньшей мере, свести его к политической драме с ограниченными причинами и следствиями. Последователь величайших рационалистов, Токвиль давал четкое определение феодальной системы как единства господства над людьми и владения землей; однако он утверждал, что это единство распалось задолго до 1789 г., и отношения чистой собственности возобладали еще до Революции. Какие бы нарекания ни вызывала эта концепция⁴¹, она знаменовала несомненный перелом в мысли: в 1856 г., когда после потрясений 1848 г. Франция окончательно встала на путь индустриального развития, отношения между разными фракциями доминирующего класса неизбежно менялись. Антагонизм буржуазии и аристократии отошел на второй план, став неуместным во многих отношениях⁴². Социальный компромисс 1789 г. вновь обрел актуальность: нужно было достичь согласия, чтобы устранить все “перехлесты” Конвента.

Сегодня Токвиль воспринимается как знаковая фигура, родоначальник сторонников пересмотра истории Революции. К сожалению, никто не замечает, что как Токвиль, так и его интерпретаторы упускают из виду одну из важнейших составляющих революционных преобразований: секуляризацию и продажу имущества церкви, превращение духовенства в корпус чиновников, утверждение свободы совести. Если восстановить это равновесие, Революция предстанет тем, чем она была в действительности: глубочайшим переломом в истории Франции.

Исследование Токвиля, известное и признанное, настоящий политический манифест – возможно, слишком изоциренный, чтобы быть вовлеченным в дебаты своего времени, – в XIX в. не нашло серьезных последователей. С одной стороны, необходимость узаконить компромисс вынуждала мыслителей утверждать незыблемую

границу между личными и реальными правами, сужая понятие феодальности до структуры, основанной только на личных правах. С другой – рационалистический энтузиазм буржуазии пошел на спад, особенно после 1871 г. Окончательный упадок наступил в последнее десятилетие века.

Двадцатилетие, предшествовавшее Первой мировой войне, стало во Франции периодом невиданного упадка рефлексии о феодальном обществе; эта деградация продолжалась и в промежутке между двумя войнами⁴³.

Германия в XIX в. была родиной такого множества глубочайших мыслителей, что вся остальная Европа в этом отношении оставалась далеко позади. Их наследие до сих пор во многом определяет научную мысль в целом и историческую в частности. Такая исключительная научная плодотворность напрямую связана с особыми трудностями, встреченными в этой стране буржуазией на пути своего становления. Поэтому нелишним будет для начала отметить некоторые особенности социально-политической ситуации в Германии интересующего нас периода.

Главную проблему представляла раздробленность и неоднородность государства; в начале XIX в. Германия была разделена на множество суверенных единиц, сильно разнящихся между собой как по размерам, так и по уровню экономического и социального развития. Не стоит забывать и о религиозной неоднородности, которая имела здесь глубокие корни и играла куда более важную роль, чем где-либо еще в Европе. В целом буржуазия была крайне слаба и мало влиятельна за исключением, может быть, рейнских областей и некоторых изолированных городских центров. Аристократия же повсюду оставалась доминирующей силой, и, что немаловажно для нас, феодальный режим в XIX в. оставался насущной реальностью для значительной части Германии. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что политическим ориентиром для немецкой буржуазии была Французская революция, но в то же время ненависть к Франции, впервые вызванная наполеоновскими войнами, оставалась на протяжении всего века одним из главных стимулов развития немецкого национализма. В обстановке экономического застоя и парализующей раздробленности для этой анемичной буржуазии одинаково необходимы были как притязания на национальное единство, так и противоречащее ему, однако не менее важное стремление к идеалам Французской революции⁴⁴.

“Феноменология духа” написана в 1806 г. Как заметил Герберт Маркус, отношение Гегеля к разуму очень близко к позиции Робеспьера, и он по праву может быть назван философом Французской революции⁴⁵. Французы не читали его, потому что он был немцем, немцы его отвергли, поскольку он выступал за идеалы Француз-

ской революции. “Феноменология духа” является, без сомнения, первой в своем роде и до сих пор не превзойденной попыткой представить рационалистическую концепцию истории человечества⁴⁶. Гегель выделяет в ней три ключевых момента: эпоха античного полиса (*Sittlichkeit* – традиционная мораль); христиано-германская эпоха (Средневековье; *Bildung* – воспитание); постреволюционная эпоха (*Moralität* – рациональная мораль). Нельзя не отметить принципиальную новизну такой схемы: феодальная эпоха приравнена к христианству, при этом она характеризуется как негативная и в то же время наиболее динамичная фаза, разразившаяся в 1789 г. реализацией абстрактной идеи свободы. Вопреки расхожему мнению Гегель мыслил категориями конкретного общества; не следует пренебрегать той ролью, какую он придает связке “господин–слуга” (*Herr-Knecht*). Но, помимо этого, Гегель – прямой наследник просветительской мысли, и “Феноменология духа” свидетельствует, что понятия, сформированные в результате двойного концептуального разрыва XVIII в., были переняты им без малейшей критики. Христианский мир состоит из частных собственников⁴⁷; отношения собственности воспринимаются в прямой связи с отношениями господства; рассуждая о христианстве, Гегель отделяет индивидуальную религиозность от социальной стороны религии (церкви и духовенства)⁴⁸.

Эта тенденция прослеживается и у первого ученика и последователя Гегеля Эдуарда Ганса⁴⁹, особенно в его труде “Наследственное право в мировом историческом развитии” (*Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwicklung* (1824–1835)). Во введении к третьему тому “Наследственное право Средневековья” (*Das Erbrecht des Mittelalters*, 1829) 70 страниц посвящены общим соображениям о Средневековье. Ганс развивает и вульгаризирует идеи Гегеля применительно к праву собственности и наследования. Он использует термины *Lehnrecht*, *Feudalrecht* (“ленное право”, “феодальное право”) столь же часто, как *Feudalsystem* (“феодальная система”) и *Feudalität* (“феодальность”). Им выстроена довольно сложная система вокруг понятий собственности, семьи, государства и церкви. Как и Гегель, он признает ключевую роль церкви и показывает, как осуществлялось ее господство в правовом аспекте, посредством особого права – канонического.

Но в то время как Гегель и его ученики пытались развить на немецкой почве буржуазную концепцию общества⁵⁰, ведущие позиции здесь принадлежали новой “Исторической школе права”⁵¹. Земельная аристократия оставалась наиболее сильным классом, и собственно феодальные отношения были представлены весьма широко в сельской местности. Исследование Райнера Шульце⁵², который детально анализирует эволюцию концепций феодального права у не-

мецких юристов XVIII–XIX вв., показывает, что, несмотря на свои особенности и хронологию, это развитие в целом было аналогичным тому, какое наблюдалось во Франции в XVIII в.: в обоих случаях речь шла о законодательной трансформации феодалов в земельных собственников.

Шульце выделяет три этапа. Начало XVIII в. проходило под знаком теории *jus nativae*, активно развиваемой Кристианом Вольфом в его стремлении выработать рациональное право. Отголоски этого влияния заметны в прусском “Общем земельном праве” (*Allgemeine Landrecht*) 1794 г. Характерный представитель этого направления – С. Штрик. С другой стороны, сильное течение, восходящее по меньшей мере к работам Иоганна Шильтера конца XVII в., отказывалось от рациональных принципов в пользу эмпирического историцизма, направленного на поддержку существующего государственного строя. Наилучшее выражение оно находит в работах Бури. Той же традиции следует Шлоссер, стремясь утвердить основы антиабсолютистского союза аристократии и буржуазии: он пытается уподобить феодальное право обычному гражданскому, упоминая, впрочем, некоторые специфические черты феодального права.

Первые годы XIX в. были временем триумфа “исторической школы права”, что соответствовало общему для всей Германии отходу от универсальных идеалов Французской революции и стремлению исторически обосновать свои национальные претензии. Эта школа с самого начала столкнулась, по меньшей мере, с двумя апориями: изучение былых юридических практик в Германии выявляло скорее их множественность, чем единство; а “чисто феодальные отношения” были архаичны и противоречили экономическим и политическим установкам немецкого государства. Образцовой для всей школы в этой ситуации стала методика Эйхгорна. Ее ключевое понятие – “правовой институт” (*Rechtsinstitut*); благодаря ему появилась возможность выявить ведущие принципы и с их помощью оправдать историю права как одновременно эволюционирующую и непрерывную. Органицистский взгляд, предлагаемый такой системой, позволяет говорить о “развитии”, “стабильном состоянии”, “стагнации”, в результате чего без особого труда создается иллюзия непрерывности. Такие манипуляции с феодальным правом позволяли классифицировать его как довольно узкую подоснову гражданского права, и, таким образом, незаметно приравнять феодальные отношения к набору обычных прав, главное из которых – право собственности. Юристам оставалось лишь констатировать прекращение действия феодального права после 1848 г., как это сделал Г. Безелер.

Легко заметить сходство этой эволюции с тем, что происходило во Франции в XVIII в. Однако есть у нее и существенные отличия, не говоря уже о разрыве во времени. Компромисс 1789 г. во Франции

почти сразу распался, и на историческую сцену вышла буржуазия. Историки первой половины XIX в. выражали мнение победившего класса, у которого не было ни малейшего повода маскировать действительную суть феодальных отношений; такая тенденция возникла только после 1871 г. В Германии же ничто не могло помешать господству аристократии. Активность буржуазии и требования, выдвигаемые в “домартовский” период (Vormärz), были подавлены шоком революции 1848 г. За редким исключением (например, Георг Гервинус⁵³) немецкие историки тяготели к прусскому варианту. Для Пруссии была характерна особая форма компромисса: признание буржуазных экономических ценностей происходило с подачи государства, во главе которого стояла аристократия, сохранившая свое социальное превосходство. В историографии по нашей проблеме триумф Пруссии породил догму о феодальности в “узком”, “техническом” смысле, сформулированную Георгом Вайцем⁵⁴.

Период до 1848 г. отмечен появлением филологии и беспрецедентным взлетом науки, понятой как патриотический долг: в это время была основана серия Monumenta Germaniae Historica – “Sanctus amor patriae dat animum”*. Леопольдом Ранке были заложены основы немецкой исторической традиции, где предпочтение отдавалось дипломатической и военной истории: главными действующими лицами на исторической сцене стали нации.

Всех немецких историков объединяло экзальтированное отношение к германскому прошлому, которое часто связывалось с темой “исконной свободы” (pristina libertas). Здесь не обходилось без парадоксов. Например, согласно Эйхгорну, у германцев было сословное государство (Ständestaat); Карла Великого он считал родоначальником феодальной аристократии и одновременно создателем первого германского “государства”. При таком взгляде феодальная раздробленность (Zersplitterung) и анархия становились абсолютно необъяснимыми.

Во время как многие авторы воспевали реакцию, будучи апологетами “Старого порядка” (Адам фон Мюллер или Ф.Л. Фон дер Марвиц), некоторые либералы (Карл Велькер) придерживались негативных взглядов на феодализм, близких к позиции Адама Смита. Однако большинство из них ограничивалось исследованием Германии, что не давало возможности делать выводы о феодальной системе в целом. Антифеодальная полемика “домартовского” периода утихла после 1848 г., и кропотливая работа юристов мало-помалу подошла к концу: большие домены были превращены в собственность. Прусский компромисс нуждался в историческом оправдании,

* “Священная любовь к отечеству вдохновляет” – девиз, под которым появилась серия (примеч. пер.)

что повлекло интерпретацию феодальных связей как: 1) “юридических” отношений; 2) “чисто личных” отношений, благодаря чему была “узаконена” собственность помещиков (Junkers).

Основы этого подхода заложил блистательный ученик Ранке Георг Вайц (1813–1886). Он принадлежал к группе либеральных германистов, в 1848 г. принимал участие в работе франкфуртского парламента. В 1861 г. появилась его статья “Ленный строй” (“Lehnswesen”)⁵⁵; незадолго до этого, в 1857 г. он присоединился к группе историков-либералов, что совпало со сменой монарха на прусском троне. Сама дата появления этого текста указывает на его программное значение.

Ленный строй, по Вайцу, был одним из “самых значительных явлений в жизни Европы”, в котором особым образом сплелись римские и германские элементы. Он категорически отвергал понятие “феодальной повинности” крестьян, считая, что эти обязательства не имели никакого отношения к фьефу. При этом Вайц признавал существование феодального государства (Lehnstaat), где суверен являлся одновременно хозяином земель, большая часть которых отдавалась в держание. Некоторая часть населения находилась в личных отношениях с сувереном, а большинство – с местными представителями государственной власти. Политическое и юридическое неравенство разных групп населения в таком государстве было особенно резким.

Так Вайц стал, возможно, первым крупным профессиональным историком, который придал научный лоск этому дискурсу, искаженному стремлением ограничить анализ исключительно политическими и юридическими рассуждениями, оправдав этот догматический подход якобы технической строгостью, противостоящей так называемому вульгарному смыслу. На самом деле, как следует из анализа Р. Шульце, его работа стала не более чем завершающим аккордом в эволюции юридического дискурса и социальных практик, прозвучавшим тогда, когда того потребовала социальная и политическая обстановка.

Позиция, к которой полвека спустя пришел Георг фон Белов⁵⁶, говорит о значительной эволюции немецкого общества. За несколько десятилетий Германия превратилась в одну из сильнейших индустриальных держав. Буржуазия сохраняла приверженность государственным и национальным ценностям, однако необоснованный отказ от изучения экономических структур отныне был невозможен. Решение было найдено в том, чтобы разделить понятия “ленный строй” (Lehnswesen) и “феодализм” (Feudalismus). Феодализм трактовался как глобальная система, в рамках которой выделялись собственно ленный строй (как центральный элемент), феодальные привилегии и феодальные объединения (Einung)⁵⁷; при этом ленный

строй оказывался центральным элементом системы. Тогда эта попытка не была оценена по достоинству. Тем не менее именно в продолжение этой идеи были развернуты основные работы Отто Хинце⁵⁸, который резко отмежевался от немецкой традиции XIX в., отдав предпочтение сравнительному методу. В таком отходе от национальной тематики угадывается явный след обновленческих настроений Веймарской республики.

Социальное напряжение в Германской империи конца XIX в., вызванное необычайно интенсивной индустриализацией, сказалось на том интеллектуальном перевороте, который демонстрируют работы Макса Вебера. Он интересует нас прежде всего как теоретик вопросов власти (*Heirrschaft*)⁵⁹. Размышляя о связях экономики и общества, Макс Вебер выработал типологию форм власти, независимую от экономических отношений. Он разработал теорию чистого рационализма власти, абстрактное оправдание силовой политики (как внутренней, так и внешней), отвечая тем самым на запрос доминирующего класса, начавшего ощущать некоторую неуверенность в своем будущем.

Аналитические выкладки Л. Кухенбуха⁶⁰ весьма убедительны; они показывают, что обращение к политической теме власти не требовало никакого разрыва с юридической концепцией *Lehnswesen*. Однако эта тематическая близость не должна скрывать от нас настоящего переворота перспективы, каким был переход от первичности права к первичности силы. Именно эта тенденция, укрепившаяся в эпоху Веймарской республики, станет ведущей в период национал-социалистического режима. Ключевой работой здесь станет “Земля и власть” Отто Бруннера, вышедшая в 1939 г.⁶¹ Однако нельзя не вспомнить и труд Генриха Миттайса “Государство высокого Средневековья”⁶², созданный в это же время в русле юридической традиции Вайца и фон Белова.

Антилиберальный вклад Бруннера был одновременно прогрессивным и ограничивающим⁶³. Несомненно, неприязнь к юридической традиции XIX в. позволила ему уловить (скорее интуитивно, чем аналитически) анахронизм этого метода и неприемлемость использования юридической схемы для анализа средневекового общества. Отсюда ее замена более четкой концепцией власти, опирающейся на одновременное господство над людьми и над землей. Но в своих историографических обзорах Отто Бруннер не искал никакой связи между исторической рефлексией и состоянием общества в XIX в., а также юридическим уклоном общественной мысли того времени: такой угол зрения вообще чужд его подходу. Кроме того (что гораздо важнее), Отто Бруннер, претендуя на научное опровержение либеральной идеологии, не заметил ее основы, т.е. структурной взаимосвязи двух идей – экономической сво-

боды и свободы совести. От него ускользнул факт единой природы двух концептуальных разрывов XVIII в., и он, очевидно, даже не заподозрил о необходимости отдать должное истинной роли церкви в феодальном обществе.

СЛАБОСТЬ И СВОЕОБРАЗИЕ “МАРКСИСТСКОЙ” ИСТОРИОГРАФИИ ФЕОДАЛИЗМА

Чтобы представить картину эволюции социальных штудий Средневековья за последние полвека, достаточно беглого взгляда назад. Потрясения межвоенного периода привели к катастрофе Второй мировой войны. Все европейские страны, за исключением Великобритании, в той или иной мере пережили режим буржуазного террора (который в случаях Португалии, Испании, Греции стал продолжением или возобновлением уже существовавшего режима). Установление народно-демократического строя в восьми странах Восточной и Центральной Европы после 1945 г. вызвало легкую панику в высших кругах Западной Европы; она усилилась в процессе деколонизации. В то же время небывалый экономический рост породил технократическую идеологию, главные принципы которой – насыщенная эффективность и решение проблем по мере их появления. Бурное развитие международной торговли за последние пятнадцать лет резко изменило пропорциональное соотношение отраслей, приведя к одновременному росту доходов и безработицы⁶⁴; механизмы экономического контроля в приграничных регионах стали неэффективными. Для нашей проблематики особенно важны перемены, связанные с землевладением: роль доходов, получаемых от обработки земли, перестает быть решающей для господствующего класса. Компромисс господствующих групп, объединенных владением земель, остался далеко в прошлом; юридическая концепция феодализма лишилась своей социальной основы. В целом понятие “Старый порядок” потеряло актуальность, перестало быть полюсом напряжения, вокруг которого выстраивались противоборствующие силы.

В 1968 г. университетский мир пережил сильное потрясение, и перемены, произошедшие в следующие три–четыре года, заслуживают нашего внимания. Именно в этот период, между учреждением Пьером Нора серии “Библиотека историй” в 1972 г. и заключением, сделанным в 1979 году Жаком Ревелем под броским названием “Парадигмы Анналов”⁶⁵, развернулись дебаты о “раздроблении истории”. Сейчас мы понимаем, что их ход во многом определяли групповые стратегии VI секции Высшей школы практических исследований⁶⁶.

В этом смятении 70-х продолжали развиваться старые направления, однако обсуждалась и возможность освоения новых. Некоторые отважились заявить о необходимости выработки четких абстрактных концепций⁶⁷. Увы! Их призывы были вскоре забыты, и наше десятилетие являет собой грустный спектакль: дробление тем, отсутствие всякой концептуальной работы, общее истощение и упадок сил⁶⁸. Главный инструмент анализа – понятие “социальная система” (и принятый под ним набор структур) – исчерпал себя, он не дает нового пространства для исследований и поводов для дискуссий. Во Франции тексты о феодальной Европе, где выражена более или менее абстрактная точка зрения⁶⁹ или предлагаются какие-либо концептуальные нововведения⁷⁰, можно пересчитать по пальцам одной руки. Эта самоубийственная атомизация, исключая необходимый в изучении социальных отношений разговор о структурах, заставляет думать, что настоящее мелководье еще впереди. Пытаясь идти тем не менее в обратную сторону, мы довольствуемся здесь скромной целью: представить конкретный элемент рефлексии – коррекцию того образа, который создан у большинства французских медиевистов в отношении “феодализма марксистского толка”.

С начала 50-х годов XX в. на западной историографии начинают сказываться следствия идеологии “холодной войны”. Историографическое поле перестраивается в соответствии с новой расстановкой сил. Многие авторы преподносят ситуацию так, как будто существовало две концепции феодализма: марксистская и немарксистская. Первую более или менее откровенно поносили, объявляя ложной и опасной. На деле же из сотен медиевистов, опубликовавших свои работы в течение двадцати пяти послевоенных лет, едва ли наберется десяток марксистов! В то же время работы, выходящие в народно-демократических государствах, оставались недоступными или неизвестными, за исключением четырех–пяти исследований. Понятие “феодализм марксистского толка” было фантомом, грубой карикатурой, сформированной в условиях идеологического прессинга убеждениями, не имеющими никакого отношения к теме. Это пугало являлось, по сути, перекроенным вариантом того, что называлось “феодализмом широкого толка”, при этом самим текстам Маркса и историков-марксистов уделялся минимум внимания⁷¹.

Так мы пришли к парадоксальной ситуации: схема, определявшая феодализм необходимой фазой развития любого общества, о которой писал Вольтер, и которую в конце XIX в. энергично разрабатывали буржуазные позитивисты, сегодня приписана марксизму и отвергнута именно по этой причине⁷².

Прежде всего необходимо помнить, что в работах Маркса и Энгельса мы не встретим ничего, что можно было бы трактовать как

теорию феодальной системы или схему феодального производства. Как показывает Кухенбух⁷³, Маркс обращался к Средневековью и феодализму лишь за тем, чтобы уточнить историю понятия или социальной структуры, или для контрастного противопоставления разных структур, чтобы продемонстрировать их преходящий характер. Круг чтения Маркса был довольно широк, и несомненны его способности к критике и синтезу. Однако, как показывает анализ, его концепция Средневековья напрямую восходит к идеям Гегеля, Адама Смита, Гизо и Сен-Симона – т.е. буржуазных историков-рационалистов. Что касается двух упомянутых концептуальных разрывов, то Маркс их, по всей видимости, не заметил. По некоторым косвенным замечаниям (особенно в текстах до 1845 г.) мы можем заключить, что идея о глобальном характере доминантных отношений феодализма была ему все же близка, относительно же церкви вообще ничего определенного нет⁷⁴.

Тексты Ленина являются куда более важным вкладом в историографию вопроса⁷⁵. Крестьянство в царской России конца XIX в. сохраняло многие черты крепостничества, совсем недавно упраздненного. Интерпретация структур аграрного общества была главной задачей русских социалистов, по этому поводу разгорались горячие дебаты. Позиция Ленина эволюционировала. В 1896–1899 гг. он написал работу “Развитие капитализма в России”. В этом тексте говорилось о двойном антагонизме в аграрной зоне: старое противостояние крестьянства и крупных собственников, оставшееся от крепостничества, соседствовало с новым конфликтом деревенского пролетариата и деревенской буржуазии. Но после революции 1905 года он существенно изменил свою точку зрения, отказавшись от этого разделения и признав принципиальную значимость старых структур, из чего делал вывод о необходимости союза со всем крестьянством и уничтожения института крупной собственности.

Сам по себе вопрос о способе феодального производства волновал Ленина не больше, чем Маркса. К тому же он пользовался по большей части терминами “барщина” и “крепостное право”. Общество, которое он имел перед глазами и на которое делал ставку, уже было вовлечено в капиталистические отношения, и потому вопрос о функционировании собственно феодальной системы был не актуален. Сильная сторона ленинской теории в том, что он всегда настаивал на исключительности российской ситуации по отношению к остальной Европе. Но многие советские историки приняли данный исключительный случай за образец, и вслед за ними остальные историки-марксисты часто уравнивали феодальную систему и крепостное право.

В 20-е годы ситуация в СССР была безвыходной: как можно было отказаться от основ исторического материализма, находясь в об-

становке тотальной изоляции и в более чем сложных материальных условиях? В первое время тон задавали взгляды Покровского (1868–1932), русского историка, примкнувшего после 1905 года к большевикам, который вообще отвергал изучение прошлого как пассивизм. В 1934 г. Сталин признал необходимость изучения и преподавания истории⁷⁶. Некоторые медиевисты, сформировавшиеся еще до 1917 г. и принявшие марксизм, опубликовали работы, написанные ими тайком за последние десять лет. Наибольшего внимания среди них заслуживает Евгений Косминский (1886–1959), специалист по английской аграрной истории.

Советской парадигме феодализма были (и во многом остаются) присущи три характерных аспекта. Во-первых, это необходимость ссылки на марксистско-ленинскую теорию, что является полной профанацией абстрактного подхода, так как эти знаменитые классики никогда не выдвигали своей собственной теории феодализма. Но острота дискуссий о феодализме (в СССР – Б. Поршневу, С. Сказкин, А. Гуревич, Ю. Бессмертный; в Польше – В. Кула, А. Вычански, Г. Самсонович, Б. Геремек; в ГДР – Е. Вернер, Б. Тёпфер, Е. Мюллер-Мертенс, Й. Херманн) показывает, что интеллектуальная атмосфера медиевистов в Восточной Европе совсем не такова, какой многие себе ее представляют.

Во-вторых – повышенное внимание к аграрным вопросам. Этот крен обусловлен не столько работами Ленина, сколько самой спецификой российского общества, где интерес к крестьянству был неизбежен. При изучении чужих обществ советские медиевисты (осознанно или нет) сравнивали их с собственной ситуацией. Заметим, что Маркс рассматривал как сельский, так и городской варианты докапиталистических обществ; в количественном же отношении текстов, посвященных ремесленному производству, ростовщическому и торговому капиталу, гораздо больше, чем тех, где говорится о земельной ренте и других аграрных вопросах.

В-третьих – теория формаций⁷⁷. Все советские историки и этнологи постоянно сталкивались с двумя вопросами (которые в СССР до сих пор остаются открытыми): как определить экономическую и социальную формацию? Существует ли неизменная и неизбежная последовательность этих пяти-шести формаций в истории каждого общества? Разные специалисты по-своему отвечали на эти вопросы, медиевисты вступали в диалог со специалистами по Античности, с синологами, индологами и этнологами. Напомним еще раз, что теория стадийного развития восходит, по меньшей мере, к Вольтеру, Шлецеру, Кондорсе и Гегелю; что высказывания Маркса на этот счет немногочисленны и противоречивы (особенно в заметках, относящихся к десяти последним годам его жизни)⁷⁸; что эта теория “социального эволюционизма” была в хо-

ду у западноевропейских историков вплоть до 1900 года, и речь здесь никоим образом не может идти о специфически марксистском вопросе⁷⁹.

ИТОГ:

ИСКАЖЕНИЕ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ

В любом исследовании средневекового общества в действие вовлечены по меньшей мере четыре объекта:

- 1) средневековое общество;
- 2) представления о нем историков начиная с 1750 г.;
- 3) представления этих историков о собственном обществе;
- 4) общество, к которому они принадлежат.

Ни один из этих элементов нельзя исключить. Особенно важным представляется анализ отношений между пунктами 3 и 4, иначе говоря, того, как в разное время внутренние проблемы и стимулы общества определяли представления о нем историков. Ведь именно в образе своего общества медиевисты черпают те понятия (конкретные или структурные), при помощи которых они пытаются воссоздать картину Средневековья.

Цель такого подхода не в том, чтобы подорвать авторитет истории как науки; речь идет лишь о попытке проследить на конкретных случаях, как одни социальные и идеологические обстоятельства благоприятствуют развитию научного подхода, а другие его тормозят или блокируют. Выявление этой зависимости не освободит от нее историков. Тем не менее это позволит разумно осмыслить те случаи, когда медиевисты упраздняют одни понятия или вводят другие, руководствуясь не логикой рационального исследования, а приверженностью или антипатией к той или иной черте своего общества. Как бы ни был скромнен этот вклад в научное знание, он многое ставит на места и способствует нашему лучшему пониманию средневекового общества.

Для начала – два методологических вывода:

1. Роль национального контекста. С 1750 г. каждое из европейских государств имело свою историю, и в каждом развивалась собственная школа медиевистики. Национальный вопрос, один из важнейших для Европы XIX в., имел в каждой стране свои особенности и по-разному сказывался на работе медиевистов. Логика пространственного деления феодального мира не совпадала с современной системой наций. Это расхождение не осталось незамеченным, но преодолеть его в исследованиях по сей день не удается. Вписывание феодальной системы в национальную историю всякий раз ведет к искажению картины.

Дело не ограничивается только национальным разделением; в случае Франции и Германии две нации с XVIII в. находились в состоянии непрерывной вражды, что обостряло идеологическую атмосферу и еще больше усложняло логику репрезентации; это противостояние заметно сказалось на историографии⁸⁰. Кроме того, темы, понятия и методы исследований переносились из одного контекста в другой без учета их изначальной социально-идеологической значимости, что нередко приводило к полному перевертыванию смысла.

2. Проблема терминов и терминологической системы. Три слова, вынесенные в заголовок статьи, предстают своего рода эволюционной цепочкой: в определенных временных контекстах “фьеф” (около 1780 г.), “феодальность” (около 1820 г.) и “феодализм” (около 1950 г.) означают примерно одно и то же. В то же время в 50-е годы XX в. “феодальность” возникает как термин, противоположный “феодализму”. Смысл каждого понятия всякий раз вырисовывается на фоне контекста, и еще вернее – на фоне других понятий, вместе с которыми оно представляет единую терминологическую систему. Исследование истории отдельно взятого понятия неизбежно приведет нас в тупик. Каждому известна разница между европейскими языками: слово “феодальность” (*féodalité*) непереводаемо на английский; *feudalidad* не используется в кастильском диалекте⁸¹; *feudalità* обозначает скорее социальную группу феодалов, чем феодализм как систему. В немецком языке возник термин *Lehnswesen*, не имеющий эквивалента в других европейских языках (кроме, может быть, голландского *leenstelsel*). С общими понятиями ситуация еще хуже: французское *régime* или немецкое *Verfassung* – настоящие семантические монстры. Иначе говоря, слова сами по себе – не более чем метки, помогающие реконструировать стоящую за ними семантическую структуру, которая в нашем случае является объектом исследования. Это побуждает уделять больше внимания авторским сопоставлениям, расхождениям во взглядах с оппонентами и причинам этих расхождений, чем финальным дефинициям, которые только кажутся четкими и определенными.

Задачу усложняет необходимость выделить доминирующие типы представлений. В любой стране в любую эпоху позиция интеллектуальных меньшинств и одиночек отличается от представлений о Средневековье, разделяемых большинством медиевистов. Это ведет к необходимости рассматривать ситуацию одновременно в нескольких странах, поскольку преобладание той или иной позиции в одном государстве может быть напрямую связано с доминирующим мнением в соседнем, совпадать с ним или противостоять ему.

Кроме этих соображений общего характера, которые должны сориентировать будущих исследователей, мы сформулируем четыре более конкретных вывода. Если они будут взяты на заметку, труды

многих медиевистов придется заново переосмыслить, а в наших собственных концепциях Средневековья обнаружится немало пробелов и несоответствий.

I. Первое наблюдение касается того, что мы предлагаем называть двойным концептуальным разрывом XVIII в. Во второй половине этого века представления об обществе у доминирующего класса подверглись радикальной трансформации в двух направлениях, что напрямую связано со следующими явлениями:

а) Отношения глобального господства, хорошо отражаемые понятийной связкой *dominus-homo*, окончательно распались. Сама доминирующая группа приобрела двойную характеристику: с одной стороны, это был слой земельных собственников (и владельцев других благ, движимых и недвижимых), с другой – привилегированный класс, обладавший правами и прерогативами, присущими его членам от рождения и ставящими их на высшую позицию в обществе. Прежняя ситуация глобального господства исчезла не только из реальной жизни, она стала энергично вытесняться (вплоть до полного исчезновения) и из представлений о прошлом – по меньшей мере внутри доминирующего класса.

б) Церковь некогда обозначала всех христиан, объединенных в Богом созданное сообщество и находящееся в непосредственной связи с ним. В это сообщество входило все население Европы, кроме евреев (по меньшей мере до XVI в.). Конечно, существовал целый ряд региональных различий; кроме того, христиане были неравны в своем отношении к сакральному: степень близости к нему была основой истинной иерархии, единственного вида неравенства, угодного Богу. Эти два понятия – сообщество и иерархия – были нераздельны и являлись непоколебимой основой социального порядка⁸².

В XVIII в. часть доминирующего класса подвергла сомнению необходимость принадлежности к церкви. Это был резкий скачок по сравнению со всеми прошлыми “реформами”, которые ставили под вопрос форму организации христиан и ее статус, но никак не принадлежность к ней. Появилось понятие “религия”. Разделив ее на “религию человека” и “религию гражданина”, Руссо определил религию как особую сферу личных отношений человека с Богом. Это окончательно разрушило прежнюю феодальную церковь, где личные отношения с Богом и общественное устройство были слиты в органическое единство.

Мы попытались показать, что эти два разрыва находились в тесной связи с двумя главными требованиями просветителей: свободы торговли и свободы совести. Во время Французской революции (как при Учредительном собрании, так и при Консулате), действия в этих двух направлениях предпринимались почти одновременно, и детальный анализ выявляет их глубокую логическую вза-

имосвязь. Несмотря на то, что эти разрывы – два отдельных явления, они одновременны и близки друг другу. Наблюдая их, мы приходим к размышлениям, с одной стороны, о ключевых структурах феодальной системы, с другой – о том, как изменение представлений о ней сказалось на последующей историографии. Напомним еще раз, что эти два разрыва, несмотря на их изначальную взаимосвязь, имели разную судьбу.

II. Упразднение понятия глобального господства позволило выделить внутри феодальных отношений право собственности, и светские аристократы незаметно превратились в землевладельцев. В Англии, пережившей серьезные потрясения в XVII в., к XVIII столетию все антагонизмы утихли, английские аристократы уже были дельцами. В таких условиях исследователь – такой, каким был Адам Смит, – находился в более выгодной позиции для обзора общественных структур прошлого, поскольку его взгляды не были обусловлены пертурбациями, сотрясавшими его собственное общество. В Германии социальные контroversы и энтузиазм “домартовского” периода были лишь краткой вспышкой; компромисс буржуазии с земельной аристократией, сохранявшей свое главенствующее положение, достиг апогея после 1856 г., во время объединения земель вокруг Пруссии. И именно тогда Георгом Вайцем была сформулирована догма о “феодализме в узком смысле”. Во Франции развитие шло зигзагами: компромисс, установленный наспех в 1789 г., распался, взаимная ненависть буржуазии и аристократии приобрела зловещую окраску. Разброс мнений был чрезвычайно широк в течение почти всего XIX в. Историки-рационалисты (Гизо, Токвиль, Фюстель) признали единство феодальных отношений господства. Но Школа хартий, ставшая оплотом анахронизма, все еще пыталась оправдать концептуальный разрыв разными техническими приемами, которым придавалось большее значение, чем здравому размышлению. В последние годы XIX в., когда разнородные представители господствующего класса стремились к единению, это течение, незаслуженно названное позитивистским, праздновало свой триумф. С 90-х годов XIX в., когда возобладала юридическая доктрина “феодализма в узком смысле”, начался небывалый упадок исторической науки. Последний штрих в эту картину внес Ф.Л. Гансхоф в самую темную эпоху гитлеровской оккупации. В его известной книге “Что такое феодализм?”, суммированы все достижения этого устаревшего и догматического подхода.

III. Второй разрыв с первых десятилетий XIX в. был полностью упущен из виду. С тех пор, кажется, ни один историк не обратил внимания на то, какие последствия имело изобретение “религии” в XVIII в. и не попытался реконструировать понятие “Церкви”, соотносимое с той ролью, какую она играла в европейской феодальной системе. Как объяснить столь полное затмение?

Религиозная ситуация в Европе начала XIX в. представлена тремя вариантами: одни страны были протестантскими, другие католическими, в третьих уживались обе конфессии. В Великобритании и скандинавских странах католическая церковь уже давно утратила роль, присущую ей в Средние века. Там эволюция шла поэтапно, никакого разрыва не было. В средиземноморских странах, во Франции и в Австрии он, напротив, был весьма чувствителен. Однако церковь в лице своего главы признала его законность и принялась всеми средствами отрицать саму идею разрыва, стремясь всеми силами удержать представление о своей незыблемости. Все католические писатели и историки действовали в том же ключе. Проявляя редкостное единодушие, они стремились преуменьшить значение этой трансформации; одновременно была начата масштабная работа по переписыванию истории, дабы приспособить ее к новому понятию религии. В регионах со смешанным вероисповеданием, особенно в германских землях, католическая церковь по своему статусу почти сравнялась с протестантской. Это произошло в период, когда особенно важна была идея национального единства; таким образом, потребность забыть разрыв удвоилась. Во всех вариантах трансформации (будь то реформы или соглашения) церковь теряла большую часть своих владений. Новые собственники ее земель – аристократы-протестанты, буржуа разного рода и даже зажиточные крестьяне – все чувствовали потребность прикрыть это расхищение “новым плащом”. В конечном счете, клирики и новый класс собственников, имея на то разные причины, совпадали в своем общем стремлении и провоцировали тем самым ситуацию необходимой амнезии.

Этот факт пока трудно оценить по достоинству; но, в любом случае, переоценить его мы вряд ли рискуем, поскольку речь идет об искажении, которому подверглось не только представление о церкви в институциональном смысле, но и наш общий взгляд на феодальную систему. Чтобы до конца осмыслить этот факт, нужно тщательно исследовать ту радикальную трансформацию, которой подверглась католическая церковь в период между 1790 и 1890 годами, в результате чего сложился современный институт, не имеющий ничего общего со средневековой церковью.

IV. Нам осталось сказать о новых взглядах на средневековую Европу, сложившихся за последние полвека. Юридическая концепция, доминировавшая еще в первой половине XX столетия, утратила в Европе социальную поддержку. Конфликтный характер завершающей стадии феодального режима исчез из общественных представлений. Отказ большинства современных историков от самого понятия “феодализм”, похоже, продиктован тем, что соседним с ним понятием является “капитализм”. Эти две системы подспудно осознаются как следующие друг за другом в процессе исторической эво-

люции, и появление социализма в такой ситуации должно осмысливаться как стоящая над ними более высокая ступень развития. Все это ведет к неприятию глобального подхода, к монополии локального рационализма. Исследования ограничиваются частными проблемами или узкими территориальными рамками. Все попытки выработать новую общую аналитическую модель заранее дисквалифицированы как возрождение философии истории, а любой глобальный взгляд на историю заранее обвиняется в тоталитаризме⁸³. История превращается в перечень или сопоставление отдельных проблем, а историки ориентируются на веяния моды. Уже почти невозможно говорить ни о национальных школах, ни о разнице социального контекста в разных странах.

Но мы чувствуем, что, в противоположность социальной логике, логика научных исследований нуждается в абстрактной схеме, охватывающей феодальную систему в ее целостности. Предлагаемые наблюдения, возможно, помогут избавиться от иллюзии, что в отношении затронутой темы все сказано последними исследованиями, и убедиться, что археология общепринятых понятий (историографический анализ которых позволяет определить их скорее как продукт идеологической конъюнктуры, чем научного абстрагирования) может принести немалую пользу в выработывании такой схемы.

¹ Начиная с XVIII в. историографические исследования не уделяли внимания связям между наукой, техникой и обществом, и их вклад в историческую науку был, как правило, невелик. Нам известно лишь об одной попытке, в отношении которой можно говорить об обратном. Речь идет о группе немецких историков под названием "Theorie der Geschichte" ("Теория истории"), созданной в 1973 г. Ими опубликовано пять томов издания "Beiträge zur Historik": "Объективность и партийность в исторической науке" (Objectivität und Parteilichkeit in der Geschichtswissenschaft / Hrsg. R. Kosellek, W.J. Mommsen, J. Rüsen. München, 1977); "Исторические процессы" (Historische Prozesse / Hrsg. K.G. Faber, C. Meier. München, 1978); "Теория и нарратив в истории" (Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. J. Kocka, T. Nipperdey. München, 1979); "Формы историописания" (Formen der Geschichtsschreibung / Hrsg. R. Kosellek, H. Lutz, J. Rüsen. München, 1982); "Исторические методы" (Historische Methode / Hrsg. C. Meier, J. Rüsen. München, 1988). Важной вехой в развитии современной историографии стала недавно вышедшая книга Бландин Барре-Кригель "Историки и монархия" (Barret-Kriegel B. Les historiens et la monarchie. 4 vols. P., 1988). О значении разума и прогресса см. стат. Ж. Ле Гоффа: l'Enciclopedia Einaudi: "Progresso / reazione" (Vol. XI. P. 198-230), "Decadenza" (Vol. IV. P. 389-420); см. также: *Guerreau A. L'historique, le rationnel // Espaces-Temps. 1985. N 30. P. 28-34.* Об упадке рационалистических идеалов после 1880-х гг. см. примеч. 43. О современной ситуации см.: *Finkelkraut A. La défaite de la pensée. P., 1987* (хотя позиция автора плохо

обоснована, он убедительно доказывает несостоятельность культурного релятивизма).

² Vilar P. Réflexions sur les fondements des structures nationales // La Pensée. 1981. N 217. P. 59.

³ Существует три разных традиции анализа:

- история историков, которая раньше понималась как своего рода хроника; см., например: *Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie*. В., 1936 (воспр. без больших изменений Ж. Лефевром: *Lefebvre G. La naissance de l'historiographie moderne*. P., 1971);
- история историографической эволюции объекта исследования или понятия; для нашей темы показательны следующие работы: *Voss J. Das Mittelalter im viatorischen Denken Frankreichs (16.–19. Jahrh.)*. München, 1972; *Gatto L. Viaggio intorno al concetto di medioevo. Profilo di storia della storiografia medievale*. Roma, 1977;
- абстрактный анализ взаимоотношений “исторического дискурса” и социального контекста; его основателем считается Макс Вебер: *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1922. (фр. пер.: *Essais sur la théorie de la science*. P., 1965); из недавних работ следует упомянуть в первую очередь издания группы “*Theorie der Geschichte*” (см. примеч. 1). Также делались попытки изучения исторических сообществ с исторической и социально-идеологической точек зрения. См.: *Carbonell Ch.-O. Histoire et historiens, une mutation idéologique des historiens français (1865–1885)*. Toulouse, 1976; *Iggers G. Deutsche Geschichtswissenschaft. Eine Kritik der traditionellen Geschichtsauffassung von Herder bis zur Gegenwart*. München, 1971; *Weber W. Priester der Klio: Historisch-sozialwissenschaftliche Studien zur Herkunft und Karriere deutscher Historiker und zur Geschichte der Geschichtswissenschaft 1800–1970*. Frankfurt a. M.; Bern; N.Y., 1984. В историографии некоторых сюжетов порой многое проясняет постановка вопроса об идеологических воззрениях авторов. Например, о структурах франкского общества см.: *Müller-Mertens E. Karl der Grosse, Ludwig der Fromme und die Freien. Wer waren die liberi homines der karolingischen Kapitularien (742/743–832)? Ein Beitrag zur Sozialgeschichte des Frankenreichs*. В., 1963 (историографический обзор – S. 10–39); *Irsigler F. Untersuchungen zur Geschichte des frühfränkischen Adels*. Bonn, 1969 (историографический обзор – S. 39–81). Методологическое сопоставление этих трех подходов (где внимание сосредоточено на эпохе и ее установках; на историках; на сюжете исследования) является первой ступенью, начав с которой, мы уже располагаем достаточным набором данных, чтобы уловить социально-историческую логику эволюции представлений о прошлом. Единственным исследованием, проведенным в этом ключе по интересующей нас теме, является кн. Людвига Кухенбуха и Михаэля Бернда: *Kuchenbuch L., Bernd M. Feudalismus. Materialien zur Theorie und Geschichte*. Frankfurt; Berlin, 1977. Это важнейшая работа, которой многим обязано и наше собственное исследование.

⁴ Не останавливаясь подробно на этом вопросе, заметим лишь, что термин *feudal system* появляется в 1757 г., *feudalism* – в 1794 г. (*Hobsbawm E.J.*

- Capitalisme et agriculture: les réformateurs ecossaise au XVIII siècle // *Annales. ESC.* 1978. Т. 33. N 3. P. 580–601, cf. P. 682).
- ⁵ За неимением лучшего сошлемся на посредственный обзор: *Boutruche R.* Seigneurie et féodalité. P., 1968. Т. 1. P. 12–18.
- ⁶ *Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980. P. 147–154. (рус. пер.: *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002).
- ⁷ См. особ.: *Horkheimer M.* Anfänge der bürgerlichen Geschichtsphilosophie. 1930 (фр. пер.: P., 1974. P. 113–135).
- ⁸ Этому понятию обычно уделяют мало внимания; между тем оно означает установление власти над людьми только на основании места их проживания. За ним угадывается территориальность права, принцип *cujus regio* и в конечном счете феодальный *dominium*. В этом отношении (как и во многих других) Боден выступает теоретиком феодальной системы. См.: *Dockes P.* L'espace dans la pensée économique du XVe au XVIIIe siècle. P., 1969. P. 79–98.
- ⁹ Ср.: *Brunner O.* "Feudalismus, feudal" // *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexicon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* / Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Kosellek 1975. Т. 2. P. 337–350.
- ¹⁰ *Kuchenbuch L., Bernd M.* Feudalismus... S. 145 ss.
- ¹¹ *Boulainvilliers H. de.* Histoire de l'ancien gouvernement de la France. P., 1727.
- ¹² *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. 1776 (E. Cannan ed., 1904; reed. Chicago, 1976). См.: *Medick H.* Naturzustand und Naturgeschichte der bürgerlichen Gesellschaft. Die Ursprünge der bürgerlichen Sozialtheorie als Geschichtsphilosophie und Sozialwissenschaft bei Samuel Pufendorf, John Locke und Adam Smith. Göttingen, 1973; см. также ст. Э. Хобсбоума (примеч. 4).
- ¹³ *Монтескье.* Дух законов. Кн. XXX. Гл. 1. Книги XXX и XXXI, помещенные в самом конце трактата, относятся к наиболее глубоко проработанным частям.
- ¹⁴ *Lefebvre G.* La naissance de l'historiographie moderne... P. 125.
- ¹⁵ *Voltaire F.* Fragments historiques sur l'Inde et sur le général Lally // *Voltaire F.* Oeuvres complètes. P., 1879. Т. 29. P. 91.
- ¹⁶ *Voltaire F.* Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII, 1753–1778 (используемое нами изд.: ed. R. Romeau, P., 1963. P. 425). Заметим между прочим, что вопреки мнению, сформированному католической историографией, Вольтер-историк относился к работе со всей строгостью, и, вырабатывая собственную концепцию синтеза, пользовался самыми прогрессивными методами своего времени. Детальный анализ его работ см.: *Gatto L.* Medioevo voltairiano. Roma, 1972.
- ¹⁷ *Sieyès E.J.* Essai sur les privilèges, 1788; *Qu'est-ce que le tiers état?*, 1789; *Burke E.* Reflections on the Revolution in France. L., 1790. Заметим, что эти три оппозиции не подобны друг другу: например, два аристократа, Буленвилье и Монтескье придерживались противоположных взглядов – первый ненавидел абсолютную монархию и ратовал за "возвращение" древней аристократии, второй был близок духу Просвещения, выступая противником старой системы, с которой отождествлялись все главные проблемы.

- ¹⁸ По поводу трактовки этого повсеместно используемого термина (фр. nation) существуют немалые трудности. Ни историография, ни теоретические размышления на эту тему не разрешают присущей ему неопределенности. Занимая промежуточную позицию между понятиями “государство” и “этнос”, слово “народ” с XVIII в. до наших дней заключало в себе множество смыслов, которые соотносились с реалиями разного рода, находившимися порой неординарное воплощение (со всеми вытекающими последствиями, нередко трагическими). Эта тема в высшей степени интересна для исследования. См. об этом: La nation, réalités et fantasmes // Raison présente. 1988. № 8 (ст. M. Caeving, M. Rodinson); *Balibar E., Wallerstein I.* Race, nation, classe. Les identités ambiguës. P., 1988; наиболее четким остается текст Пьера Вилара: *Vilar P.* Réflexions sur les fondements des structures nationales // La Pensée. 1981. № 217. P. 46–64. Здесь понятие “народ” (nation) представлено как продукт феодальной системы.
- ¹⁹ *Smith A.* An Inquiry..., Book III. P. 405–411, 437–444.
- ²⁰ “Это странный спектакль: унижение, позор Рима и живая память о его могуществе, несмотря на падение; эта толпа пап, назначаемых императорами, их рабское подчинение и безграничная власть, когда они сами становятся хозяевами, и непомерное злоупотребление этой властью” (*Voltaire F.* Essai sur les moeurs... P. 451); “Рим всегда стоит за наибольшее подчинение человеческого духа, наибольшее подавление разума” (*Ibid.* P. 487); “Кровавый разгул императоров от Нерона до Веспасиана ужасал Италию всего четыре года; разъяренное папство заливало кровью Европу в течение двух веков” (*Ibid.* P. 517).
- ²¹ *Voltaire F.* Essai sur les moeurs... P. 721: “Единственным ресурсом человечности были города, презираемые большими суверенами. Ремесло и торговля этих городов молча восстанавливали тот урон, который им с такой помпой наносили принцы”
- ²² Адама Смита обычно считают защитником свободы торговли, а Вольтера – выразителем идей буржуазии.
- ²³ *Voltaire F.* Essai sur les moeurs... P. 757.
- ²⁴ Анализ средневекового общества, проведенный Адамом Смитом, приводит к сложным и неоднозначным выводам. Он говорит о сословной зависимости вассалов (*retainers*) (p. 433) и арендаторов (*tenants*) (p. 434–435); объясняет, что власть аристократа проистекала из возможности мобилизовать всех, кто от него зависел, для утверждения порядка и правосудия на своей территории (p. 435), и что “феодальное право” (*the feudal law*) было внешней структурой, которая упорядочивала эту традицию, а не порождала ее (p. 435–437). Он подвергает резкой критике манию юристов применять к средневековым обычаям, особенно к майорату (*the entails*), абсолютно неуместные термины римского права. Он уделяет внимание как состоянию экономики, так и ее развитию. Тем не менее, представляя глобальную картину этого общества, он, нимало не колеблясь, использует понятие “собственность”.
- ²⁵ *Robin R.* Fief et seigneurie dans le droit et l'idéologie juridique à la fin du XVIII siècle // *Annales historiques de la Révolution française*. P., 1971. N 43. P. 554–602. См. также: *Idem.* Le champ sémantique de féodalité // *Bulletin du*

- centre d'analyse du discours de Lille. 1975; *Idem*. Histoire et linguistique. P., 1973. P. 204–206; 181–183.
- ²⁶ Осознать всю важность этой трансформации непросто, поскольку нам самим не удастся абстрагироваться от нашей веры в “право” как трансцендентальную категорию, хотя речь идет всего лишь о наивной идеализации структуры европейского общества XIX–XX вв. О средневековом понимании права см. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 167–224; о праве в современном обществе см.: *Arnaud A.-J.* Essai d'analyse structurale du Code civil français. La règle du jeu dans la paix bourgeoise. P., 1973; *Idem*. Les juristes face à la société du XIX siècle à nos jours. P., 1975. О соотношении этих двух систем см.: *Renoux-Zagame M.-F.* Origines théologiques du concept moderne de propriété. Genève, 1987; об истории права: *Poumarède J.* Pavane pour une histoire du droit défunte (sur un centenaire oublié) // Procès. Cahiers d'analyse politique et juridique. Lyon, 1980. P. 91–102.
- ²⁷ *Krieser H.* Die Abschaffung des “Feudalismus” in der französischen Revolution. Revolutionärer Begriff und begriffene Realität in der Geschichtsschreibung Frankreichs (1815–1914). Frankfurt a. M.; Bern; N.Y., 1984. S. 17–26; *Mazauric Cl.* Sur la Révolution française. Contributions à l'histoire de la Révolution bourgeoise. P., 1970 (об использовании понятий “феодальный режим” (régime féodale) и “феодальность” (féodalité) во время французской Революции см. p. 119–134).
- ²⁸ Прямое применение этих категорий к средневековому обществу порождает неминуемые противоречия. Конечно, разного рода “инстанции” и “функции” этого общества нуждаются в определениях; однако, чтобы они были подспорьем, а не препятствием, нужно отказаться от общепринятых понятий и выработать адекватные определения. Эта задача кратко описана в ст.: *Guerreau A.* Política / derecho / economía / religión : ¿cómo eliminar el obstáculo? // Relaciones de poder, de producción y parentesco en la Edad Media y Moderna / Ed. R. Pastor. Madrid, 1990. P. 459–465.
- ²⁹ Несомненно, одним из главных успехов церкви в отвоевании своих позиций у интеллектуалов явилось то, что в начале века ей удалось выставить антиклерикальные настроения в неприглядном виде (как нелепицу или сектантство) и отстоять право на собственную историю (во Франции это связано с именами Жильсона, Ле Бра, Мэйора, Ремона и т.д.). Выявление перегибов, спровоцированных этой невяной апологией “мистерий”, “откровений” и “провидения” может стать богатым полем деятельности для будущих историографических исследований. В их перспективу вполне вписывается анализ искоренения антиклерикальной составляющей науки, принципиальной для просветителей. В целом же все говорит о том, что превращение понятия “религия” в универсальную категорию является методологической ошибкой, которая затрудняет изучение любого общества, кроме современного западного мира. См. об этом: *Rationalisme et religions* // *Raison présente*. 1984. № 72; *Anthropological Approaches to the Study of Religion* / Ed. M. Banton. L., 1966; *Augé M.* Génie du paganisme. P., 1982.
- ³⁰ *Voltaire F.* Essai sur les moeurs... P. 752.
- ³¹ “Религия, рассматриваемая по ее отношению к обществу, которое может быть или общим или частным, может быть также разделена на два вида,

а именно: религия человека и религия гражданина. Первая, не имеющая ни храмов, ни алтарей, ни обрядов, ограниченная только внутренним культом высшего Бога и вечными моральными обязанностями, есть чистая и простая религия Евангелия, истинный теизм и то, что можно назвать естественным божественным правом. Другая религия, составляющая принадлежность одной только страны, дает последней ее богов, ее собственных патронов и покровителей; у этой религии есть свои догматы, свои обряды, свой внешний культ, предписанный законами. Вне той единственной нации, которая исповедует эту религию, все остальное для последней представляется неверным, чуждым и варварским. Она простирает обязанности и права человека только на то пространство, которое занимают ее алтари. Таковы все религии всех первобытных народов – религии, которым можно дать название божественного гражданского или положительного права” (“Об общественном договоре... “ Кн. IV. Гл. 8. Цит. по: Руссо А. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938. С. 115).

³² Конечно, не Руссо изобрел это разделение – мы можем проследить, как оно постепенно вырабатывалось у авторов XVII в. Одну из главных ролей здесь играл Спиноза. См.: *Deschepper J.-P. Le spinozisme // Histoire de la philosophie / Ed. Y. Belaval. P., 1973. Т. 2. Р. 483–507, cf. P. 496.* Однако взгляды Спинозы были встречены крайне враждебно (это доказывает, что движения реформистского толка появились задолго до событий XVIII в.), тогда как “Общественный договор” в конце XVIII в. обильно цитировался в поддержку преобладающей точки зрения. О концептуальном разрыве нельзя говорить до тех пор, пока это разделение не станет общепринятым и не приведет к тому, что прежняя целостность окажется трудной для осмысления. В исследовательском плане главная проблема заключается в том, чтобы определить момент, начиная с которого мнение становится преобладающим.

³³ *Voltaire F. Essai sur les moeurs... P. 752.*

³⁴ См. примеч. 29. Можно отметить параллелизм явлений XVI и XVIII вв.: усилия юристов по освобождению частной собственности от всякого “феодального” принуждения сравнимы с повышением ценности частных религиозных практик, обретавшим разные формы – все варианты церковной реформы, посттридентское католичество, яansenизм. Этому структурному параллелизму можно противопоставить децентрализацию проблематики, начавшуюся в XIX в., о которой будет сказано ниже.

³⁵ Любопытный пример распространенного хода мыслей о “религиозном произведении” Революции, где все вопросы перевернуты с ног на голову: “Финансовая необходимость заставила депутатов заняться религией”. См.: *Godechot J. Les Révolutions (1770–1799). P., 1970. P. 149–151.* Луи Бержерон, придавая большее значение Гражданскому кодексу, чем Конкордату, говорит о нем: “собственность, земля – ключевые слова общества, управляемого нотаблями, чье могущество во многом обязано перераспределению собственности и престижа, начавшемуся после 1789 года”. См.: *Bergeron L. L’Empire // Histoire de la France / Ed. G. Duby. P., 1971. Т. 2. P. 319–354; 332–334.* Удивительна работа М. Вовеля, который говорит о религиозных культурах и набожности, но ни словом не упоминает факт рас-

продажи церковной собственности. См.: *Vovelle M. La Révolution contre l'Église. De la Raison à l'Être suprême.* Bruxelles, 1988.

¹⁶ Само собой разумеется, что выявление этого двойного разрыва ни в коей мере не претендует на обобщающее объяснение интеллектуальных потрясений XVIII в., и еще меньше на объяснение перехода от феодальной системы к капитализму. Абстрактный взгляд на эту глобальную трансформацию см.: *Godelier M. Transition // Dictionnaire critique du marxisme / Ed. G. Labica. P., 1982; Idem. Le marxisme dans les sciences humaines // Raison présente. 1976. № 37. P. 65–77 (cf. P. 70).*

¹⁷ *Guisot. Génie du christianisme. P., 1802. Livre III. Ch. 1.*

¹⁸ Шатобриан вполне осознавал произошедший разрыв: “Все идет к воссозданию католического единства. Христианская религия вступает в новую эру; как нравы и общественные институты, она переживает третье преобразование: она перестает быть политикой; она становится философией, не теряя своей божественной сути. Просвещение и свободы расширили ее гибкий круг, тогда как центр, озаменованный крестом, остается вечно неизблемым” (*Études historiques. 1831*). Но читатели и потомки запомнили слово “неизблемый” и забыли о “преображении”. См., например: *Cognat Y. L'Église de saint Augustin à l'époque moderne. P., 1970* (как образец авторитетного и общепризнанного на настоящий момент мнения). Следовало бы также проанализировать условия, в которых произошло изменение отношения к Средневековью и развился вкус ко всему средневековому (что было характерно для правящих слоев европейского общества в XIX в.). Как показывает вдумчивое исследование, это был сложный и противоречивый процесс. См.: *Garmier J.-F. Le goût du Moyen Age chez les collectionneurs Lyonnais du XIXe siècle // Revue de l'art. P. 53–64.*

¹⁹ *Guerreau A. Le féodalisme, un horizon théorique. P., 1980. P. 43–46; Krieser H. Die Abschaffung des “Feudalismus”... S. 46–47.*

²⁰ *Krieser H. Die Abschaffung des “Feudalismus”... См. примеч. 27.* Это важнейшая работа, которой многим обязано настоящее исследование. В ней прослеживается то, каким образом Франция XIX в. перестраивает представления о прошлых веках в процессе “переваривания” Революции.

²¹ Крайне быстрая и жесткая эволюция 1789–1793 гг. говорит о том, что в 1789 г. земельные сеньоры и церковь обладали властью куда более обширной, глубокой и разноплановой, чем власть простых собственников.

²² Даже Гизо, выступавший в 1828 г. апологетом классовой борьбы, в 1855 г. в предисловии к “Истории цивилизации во Франции” высказывает совершенно иное суждение: “Слепое соперничество высших классов привело к краху все попытки установить свободное правление. Вместо того чтобы объединиться, аристократия и буржуазия остаются в раздоре, стремясь вытеснить или уничтожить друг друга, одни – не желая признать никакого равенства, другие – никакого господства. Претензии эти противозаконны и бессмысленны”.

²³ Эта беспрецедентная регрессия научного знания, начавшаяся в конце XIX в., остается полностью неосознанной. Подробнее см.: *Guerreau A. Le féodalisme, un horizon théorique... P. 55–57, 67–71, 75–76, 119–121, 141–143.*

²⁴ *Moderne deutsche Verfassungsgeschichte (1815–1914) / Hrsg. E.-W. Böckenförde. Königstein, 1981; Igers G.G. Deutsche Geschichtswissenschaft... P. 57–61.*

- 45 *Marcuse H.* Reason and Revolution. 1939. (фр. пер. П., 1968. P. 54–57).
- 46 *Kojeve A.* Introduction à la lecture de Hegel. P., 1947 (1968).
- 47 Ibid. P. 124; *Hegel G.W.F.* Phänomenologie des Geistes / Ed. Hoffmeister. Leipzig, 1937. P. 354–361.
- 48 Ibid. P. 71–72; *Hegel G.W.F.* Phänomenologie des Geistes P. 161–170. Гегелевской концепции общества часто не уделяется должного внимания; между тем без нее невозможно оценить значение его исторической мысли. См.: *Hegel G.W.F.* La société civile-bourgeoise / Ed. J.-P. Lefebvre. P., 1975; *Lefebvre J.-P., Macherey P.* Hegel et la société. P., 1984.
- 49 О Гансе см.: *Reissner H.-G.* Eduard Gans, ein Leben im Vormärz. Tübingen, 1965.
- 50 Не углубляясь в детали, напомним, что единственный труд, опубликованный Гегелем-профессором, – “Философия права” (1821), и что его первая часть, где закладывается основа всех дальнейших размышлений, посвящена анализу собственности.
- 51 *Böckenförde E.-W.* Die deutsche verfassungsgeschichtliche Forschung im 19. Jahrhundert. Zeitgebundene Fragestellungen und Leitbilder. B., 1961; См. также работы Мюллер-Мертенса и Ирзиглера (см. примеч. 3).
- 52 *Schulze R.* Der Rechtsbegriff des *nexus feodalis* in Vernunftrecht und historischer Rechtsschule – zugleich ein Beitrag zur Auflösung des Feudalismus in Deutschland (рукопись доклада, сделанного на коллоквиуме в Трире в мае 1981 г., 23 с.).
- 53 Г.Г. Гервинус в 1853 г. за свои идеи был привлечен к суду по обвинению в государственной измене. См. об этом статьи Йорна Рюзена и Карла-Герорга Фабера в изд.: *Objectivität und Parteilichkeit...* (см. примеч. 1). S. 77–124, 125–133.
- 54 Об эволюции немецкой историографии по теме феодализма в XIX в. см. (кроме работ, указанных в примеч. 3, 9 и 51): *Wunder H.* Der Feudalismus-Begriff // *Feudalismus. Zehn Aufsätze* / Hrsg. H. Wunder. München, 1974. S. 10–76; *Schreiner K.* Kommunebewegung und Zunftrevolution: Zur Gegenwart der mittelalterlichen Stadt im historisch-politischen Denken des 19. Jahrhunderts // *Festschrift für Eberhard Naujok.* Sigmaringen, 1980. S. 139–168; *Italia e Germania. Immagini, modelli, miti fra due popoli nell'Ottocento: Il Medioevo.* Bologna; B., 1988.
- 55 *Waitz G.* “Lehnswesen” // *Deutsches Staatswörterbuch* / Hrsg. J.C. Bluntschli, K. Brater. Stuttgart; Leipzig, 1861. T.6. (переизд. в: *Waitz G.* Abhandlungen zur deutschen Verfassungs- und Rechtsgeschichte. Göttingen, 1896. P. 301–317).
- 56 *Below G. von.* Der Deutsche Staat des Mittelalters. Leipzig, 1914.
- 57 С особым вниманием следует изучить роль, которую сыграли идеи Отто фон Гирке, см.: *Gierke O. von.* Das deutsche Gemeinschaftsrecht. B., 1868–1913. См. также: *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1887–1892. Генрих Бруннер был представителем юридической традиции, продолжателем идей Вайца; это один из авторов, на которых опирался Марк Блок.
- 58 *Hintze O.* Wesen und Verbreitung des Feudalismus // *Sitzungsber. d. preuss. Ak. d. Wiss. Phil.-Hist. Kl.* 1929. N 20 (переизд. в: *Gesammelte Abhandlungen.* Göttingen, 1962. T. 1. S. 84 u. folg.).
- 59 См. об этом: *Schreiner K.* Kommunebewegung und Zunftrevolution... S. 150–152; *Ladriere P.* La fonction rationalisatrice de l'éthique religieuse dans

- la théorie wéberienne de la modernité // Archives de science sociale des religions. 1986. N 61. P. 105–125; *Pollak M.* Un texte dans son contexte: l'enquête de Max Weber sur les ouvriers agricoles // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. N 65. P. 69–75.
- ⁶⁰ *Kuchenbuch L.* Feudalismus... P. 145–150.
- ⁶¹ *Brunner O.* Land und Herrschaft. Grundfragen der territorialen Verfassungsgeschichte Südostdeutschlands im Mittelalter. Baden; Vienne, 1939.
- ⁶² *Mitteis H.* Der Staat des hohen Mittelalters. Grundlinien einer vergleichenden Verfassungsgeschichte des Lehnszeitalters. Weimar, 1940.
- ⁶³ *Kuchenbuch L.* Feudalismus...; *Braudel F.* Sur une conception de l'histoire sociale. P., 1959 (переизд. в: *Braudel F.* Écrits sur l'histoire. P., 1969. P. 175–191).
- ⁶⁴ *Rosier B., Dockes P.* Rythmes économiques. Crises et changement social, une perspective historique. P., 1983.
- ⁶⁵ *Revel J.* Histoire et sciences sociales: le paradigme des Annales // Annales ESC. P., 1979. N 6. P. 1360–1376.
- ⁶⁶ *Robin R., Grenon M.* Pour la déconstruction d'une pratique historique // Dialectiques, 1975. N 10. P. 5–32; *Deney H., Tosel H., Ricci F.* La nouvelle idéologie française. La philosophie contemporaine (depuis 1960) entre les sciences humaines et l'anarchie. P., 1977.
- ⁶⁷ *Le Goff J.* L'histoire nouvelle // La nouvelle histoire / Ed. Le Goff J. P., 1978. P. 240.
- ⁶⁸ *Godelier M.* Les sciences de l'homme et de la société en France. Analyse et propositions pour une politique nouvelle. P., 1982. P. 253–280.
- ⁶⁹ *Morineau M.* Allergico cantabile // Annales. ESC. P., 1981. T. 36, N 4. P. 623–641; *Aymard M.* Autoconsommation et marchés: Chayanov, Labrousse ou l.e Roy Ladurie? // Annales ESC. P., 1983. N 6. P. 1392–1410.
- ⁷⁰ *Guerreau-Jalabert A.* Sur les structures de parenté dans l'Europe médiévale // Annales ESC. P., 1981. N 5. P. 1028–1049; *Fossier R.* Enfance de l'Europe: 2 vols. P., 1982; *Wirth J.* L'image médiévale. Naissance et développements (VI–XV siècles). P., 1989.
- ⁷¹ *Boutruche R.* Seigneurie et féodalité... (см. примеч. 5) P. 18–25 (это самый воинствующий пример такого рода; кроме всего прочего автор смешивает “марксистский феодализм” с “языковыми трудностями”); *Ganshof F.L.* Qu'est-ce que la féodalité? Bruelles, 1944. Гансхоф довольствуется изобличающей заметкой (р. 11 в издании 1968 г.). Позже эта тенденция в ФРГ проявится в ряде компаративных исследований, больше отвечающих научному подходу. Мы уже упоминали работу Хайде Вундер (см. примеч. 54), нужно также отметить фундаментальный коллективный труд: *Sowietsystem und demokratische Gesellschaft: Eine vergleichende Enzyklopädie.* 6 Bd. Freiburg; Bâle; Wien, 1966–1972. См. ст.: “Mittelalter” (F. Graus), “Feudalismus” (H. Neubauer), “Ständische Verfassung” (G. Oestreich, I. Auerbach); “Absolutismus” (Vierhaus), “Adel” (Bosl, Mommsen), “Bauernkrieg” (Nipperdey, Melcher), “Bürgertum” (Winkler), “Leibeigenschaft” (Goehrke), “Reformation” (Friesen), “Renaissance” (Friesen), “Französische Revolution” (E. Schmitt).
- ⁷² *Guerreau A.* Le féodalisme, un horizon théorique... P. 142–144; *Dosse F.* L'histoire en miettes. Des “Annales” à la “nouvelle histoire”. P., 1987; *Hacia una*

- nueva historia / Ed. A.M. Anciniega. Madrid, 1976; *Kula W.* Reflexiones sobre la historia. Mexico, 1984 (польский оригинал: 1958). Плодотворной темой для исследования могло бы стать выявление логики некоторых общепринятых тезисов; так, интересен случай отказа Броделя от понятия “причина” (cause) в разговоре об индустриальной революции, или термин *dégarage* (“занос, отклонение”), использованный Франсуа Фюре в отношении Французской революции.
- ⁷³ *Kuchenbuch L.* Zur Entwicklung des Feudalismuskonzepts im Werk von Karl Marx (рукопись докл., сделанного на коллоквиуме в Трире в мае 1981 г., 171 с.). См. также ст. “Féodalisme” // *Dictionnaire critique du Marxisme*. P., 1982. P. 364–368.
- ⁷⁴ Нужно вдуматься в то, как на самом деле следует интерпретировать некоторые аллюзии, содержащиеся в первой книге “Капитала”. Знаменитый текст Энгельса “О крестьянской войне в Германии” (1850) тоже требует такого тщательного анализа. О том, из каких источников Маркс черпал информацию о докапиталистической Европе, и о том, как он ее трактовал, см.: *Müller-Mertens E.* Karl der Grosse... (см. примеч. 3) S. 19–23; *Karl Marx.* Precapitalist Economic Formations / Ed. E.J. Hobsbawm. L., 1964. P. 20–25. См. также: *Hartstick H.-P.* Karl Marx als Historiker // *Arbeiterbewegung und Geschichte: Festschrift für Shlomo Na’aman* / Ed. H.-P. Hartstick, A. Herzog, H. Pelger. Trèves, 1983. S. 166–232. Марксистская традиция уделяла минимальное внимание вопросам религии; ее развитие коммунистическими партиями в течение полувека усилило эту блокаду (см. ст. “Religion” // *Dictionnaire critique du marxisme...* P. 774–780). О роли Маркса в эволюции глобальных исторических концепций см. новаторскую раб.: *Kittsteiner H.-D.* Naturabsicht und unsichtbare Hand: Zur Kritik des Geschichtsphilosophischen Denkens. Frankfurt a. M.; Berlin; Wien, 1980.
- ⁷⁵ *Küttler W.* Begriff und Analyse des Feudalismus in den Arbeiten Lenins // *Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus*. 1978. N 2. S. 9–40.
- ⁷⁶ *Graus F.* “Mittelalter” (см. примеч. 71); *Kazhdan A.* Soviet Studies on Medieval Western Europe: a Brief Survey // *Speculum*. 1982. Vol. 57. P. 1–19; *Вайнштейн О.Л.* История русской медиевистики, 1917–1966. Л., 1968 (рус. изд., оставшееся для нас недоступным).
- ⁷⁷ *Weissgerber K.* Zwischen Urgesellschaft und Kapitalismus: Die sowjetischen Diskussionen über die vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen // *Ethnographisch-archäologische Zeitschrift*. 1974. S. 655–690; 1975. S. 117–202.
- ⁷⁸ *Harstick H.-P.* Karl Marx, über formen vorkapitalistischer Produktion: Vergleichende Studien zur Geschichte des Grundeigentums 1879–1880 (aus dem handschriftlichen Nachlass). Frankfurt a.M.; N. Y., О значении, придаваемом сегодня в демократических республиках историческому вкладу Энгельса см.: *Familie, Staat und Gesellschaftsformation. Grundprobleme vorkapitalistischer Epochen einhundert Jahre nach Friedrich Engels’ Werk “Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats”*/ Hrsg. J. Herrmann, J. Köhn. B., 1988.
- ⁷⁹ О полемике в ГДР по поводу феодализма см.: *Feudalismus. Entstehung und Wesen* / Hrsg. E. Müller-Mertens. B., 1985; *Deutsche Agrargeschichte des Spätfuedalismus* / Hrsg. H. Harnisch, G. Heitz. B., 1986; *Ideologie und Gesellschaft im hohen und Späten Mittelalter* / Hrsg. K.-P. Matschke, E. Werner.

В., 1988. В моей книге дан краткий обзор работ марксистов (см.: *Guerreau A. Le féodalisme, un horizon théorique...* P. 82–116); современное состояние некоторых вопросов освещено в статье Хайде Вундер “Feudalismus” (см. примеч. 71) – к сожалению, оставлена без внимания история южной Европы; см. об этом: *Structures féodales et féodalisme dans l’Occident méditerranéen (X–XIII siècles)*: Congrès. Rome, 1978. P., 1980. Множество новаторских работ появилось в Испании: *Pastor R. Del Islam al cristianismo. En las fronteras de dos formaciones económico-sociales. Toledo, siglos XI–XIII. Barcelona, 1975*; *Resistencias y luchas campesinas en la época del crecimiento y consolidación de la formación feudal. Castilla y León, siglos X–XIII. Madrid, 1980*; *Valdeon-Baruque J. Los conflictos sociales en el reino de Castilla en los siglos XIV y XV. Madrid, 1975*; *Barbero A., Vigil M. La formación del feudalismo en la Península ibérica. Barcelona, 1978*; *García de Cortazar J.A. et al. Organización social del espacio en la España medieval. La corona de Castilla en los siglos VIII a XV. Barcelona, 1985*. См. также: *Romero J.L. Crisis y orden en el mundo feudoburgués. Mexico, 1980*. Разные точки зрения представлены в изд.: *Feudalism. Comparative Studies* / Ed. E. Leach, S.N. Mukherjee, J. Ward. Sydney, 1985.

⁸⁰ Парадоксы, порожденные этим противостоянием за последнюю треть XIX в., легко проследить по деятельности Фюстель де Куланжа, см.: *Guerreau A. Fustel de Coulanges médiévisite // Revue historique. 1986. P. 381–406*; их отмечает также Робер Фоссье в работе “Детство Европы” (*Enfance de l’Europe*). Ср.: *Guerreau A. Un tournant de l’historiographie médiévale // Annales. ESC. P., 1986. T. 41, N 5. P. 1162*.

⁸¹ О его использовании в каталонском наречии см.: *Bonnaissie P. Sur la formation du féodalisme catalan et sa première expansion (jusqu’à 1150 environ) // La formació i expansió del feudalisme català (colloque de Girona, janvier 1985) / Ed. J. Portella i Comas. Girona; Barcelona, 1986. P. 7–21*.

⁸² *Guerreau A. Organisation et contrôle de l’espace: les rapports de l’État et de l’Église à la fin du Moyen Age // État et Église dans la genèse de l’État moderne. Madrid, 1986. P. 273–278*.

⁸³ Таким образом, мы де факто находимся в ситуации, когда идеологические императивы, связанные с самоутверждением правящего класса, становятся препятствием для развития исторической науки, из-за чего идеологам проще выдвигать против истории обвинения в “ненаучности”.

Пер. с фр. И.Г. Галковой